

Буралова Раиса Амхадовна, Халидов Айса Идрисович

К ВОПРОСУ О "СБАЛАНСИРОВАННОМ" НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОМ ДВУЯЗЫЧИИ И БИЛИНГВИЗМЕ

В статье рассматривается проблема сбалансированного национально-русского двуязычия, в частности, развивается положение о том, что сбалансированное двуязычие (если иметь в виду двуязычие как социальное явление и под "сбалансированностью" понимать равное распределение функций) невозможно: один из языков, особенно если это общегосударственный язык, всегда будет доминировать даже в условиях реализации в государстве демократической языковой политики. Предлагается разграничить понятия "двуязычие" и "билингвизм", употребляя первое как термин социальной лингвистики и второе как термин контрастивной лингвистики и лингводидактики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 277-282. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THEATRICAL METAPHOR IN POLITICAL DISCOURSE OF THE MASS MEDIA IN GERMANY

Babkina Vera Aleksandrovna*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
hexagon6@mail.ru*

The article deals with the specificity of using the theatrical metaphor in the political discourse of the German mass media at the current stage of the Russian-German relations development. Based on metaphorical statements which make the image of Russia from the texts covering political events, the author concludes that the words with the source sphere "theater" are used both to emphasize the unnaturalness of the behavior of Russia and to create a positive image of the country playing a constructive role on the international scene.

Key words and phrases: theater; metaphorical image; conceptual metaphor; theatrical metaphor; image of Russia; German mass media; political discourse.

УДК 81'27

В статье рассматривается проблема сбалансированного национально-русского двуязычия, в частности, развивается положение о том, что сбалансированное двуязычие (если иметь в виду двуязычие как социальное явление и под «сбалансированностью» понимать равное распределение функций) невозможно: один из языков, особенно если это общегосударственный язык, всегда будет доминировать даже в условиях реализации в государстве демократической языковой политики. Предлагается разграничить понятия «двуязычие» и «билингвизм», употребляя первое как термин социальной лингвистики и второе как термин контрастивной лингвистики и лингводидактики.

Ключевые слова и фразы: двуязычие и билингвизм; национально-русское двуязычие; языковая политика; интерференция; сохранение и развитие языка.

Буралова Раиса Амхадовна, к. филол. н., доцент**Халидов Айса Идрисович**, д. филол. н., профессор*Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный
rburalova@mail.ru; halidov_aisa@mail.ru***К ВОПРОСУ О «СБАЛАНСИРОВАННОМ»
НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОМ ДВУЯЗЫЧИИ И БИЛИНГВИЗМЕ**

Работа выполнена в рамках проекта «Языковая ситуация в Чеченской Республике в условиях глобализации» при поддержке гранта РГНФ (№ 15-04-00529).

Билингвизм, занимая все более значимое место в реалиях современного мира, закономерно представляет собой интерес для философии, психологии, лингвистики, психолингвистики, физиологии и социологии. Многочисленные современные исследования доказывают, что билингвизм оказывает положительное воздействие на познавательную деятельность человека, расширяет его когнитивное и коммуникативное пространство, позволяет ему открывать новые способы восприятия, мышления и познания. Однако невозможно отрицать и то, что билингвизм, при всех своих положительных последствиях, может иметь последствия и отрицательные: национально-языковой нигилизм билингвов и неизбежную языковую, культурную и в конце концов этническую ассимиляцию, что было отмечено в наших публикациях [3; 4]. Закономерно возникает вопрос о выработке системы мер (или программы) по преодолению этих последствий, позволяющих достигнуть реального сбалансированного двуязычия. Подобные проблемы национально-русского билингвизма, актуальные для многих регионов современной России, имеют место и в условиях чеченско-русского двуязычия, доминирующего на территории Чеченской Республики.

За более чем полувековую историю отечественной социальной лингвистики накопилось много вопросов, на которые советская социолингвистика пыталась отвечать исчерпывающе, но сдерживалась «экстралингвистическими факторами» и часто только декларировала ту языковую ситуацию, те тенденции в развитии и языков народов СССР, и национально-русского двуязычия, которые должны были иметь место в демократическом государстве с обеспеченными правами народов и граждан страны. Реалии новой России – того, что осталось после развала бывшего СССР, – внесли новые нюансы в некоторые старые вопросы или поставили новые вопросы.

В этом контексте, в первую очередь, видимо, следует рассмотреть бывшую актуальной и для прежней страны, и не менее актуальную для современной России проблему сбалансированного национально-русского двуязычия. Представляется, что сбалансированное двуязычие (чеченско-русское или какое-либо иное с участием русского языка в нашей стране) с употреблением слова «баланс» в прямом значении («равновесие, уравнивание» [18, с. 57]), невозможно в принципе. В своих публикациях [24; 25] один из авторов

этой статье имел это в виду как само собой разумеющееся, отмечая, в частности, что русский язык является и останется общегосударственным и языком межнационального общения народов РФ и эту функцию у него никто не собирается «перехватить» [27, р. 26]. Есть целый ряд функций, которые невозможно «передать» от русского языка какому-либо другому, возможны лишь попытки отдельных народов и их представителей во власти частично подключить к этим функциям свои родные языки. При этом следует иметь в виду, что языки народов России находятся на разных уровнях развития своих терминологических систем, нормированности и т.д. и вследствие этого обладают разными возможностями исполнения тех или иных функций. И если у татар есть возможность вести обучение на татарском языке для татар, и не только в начальных классах, это никого не должно тревожить или раздражать. Более того, если татары, башкиры, чеченцы, осетины считают, что для сохранения их языков необходимо, кроме обучения в начальной школе на родном для детей языке, некоторые дисциплины в старших классах и даже в вузах вести на соответствующем языке, не следует воспринимать это как ущемление русского языка.

Русский язык в любом случае остается и останется основным, ведущим языком обучения в общеобразовательной школе, почти единственным языком обучения в высшей школе, практически единственным языком делопроизводства и официальной переписки, языком межнационального общения (единственным во многих республиках и основным в некоторых). Поэтому, говоря о сбалансированности национально-русского двуязычия в РФ, следует иметь в виду, что билингвы имеют не только конституционное право, но и возможность использовать любой из государственных языков в тех сферах, в которых это уместно и которые может обслуживать этот язык без нарушения федеральной и республиканской конституций и, попросту говоря, создания проблем для представителей других этносов.

Русско-национального двуязычия как массового явления (при котором русские владеют другими языками народов СССР/России) не было в бывшем СССР даже в союзных республиках (в какой-то степени часть русского населения владела грузинским в Грузии, эстонским, литовским и латышским в Эстонии, Литве и Латвии, но в остальных регионах ситуация не особенно отличалась от ситуации в автономиях). Тем более не следует ожидать этого явления в современной России, и авторы измышлений о навязывании в республиках татарского, чувашского или какого-либо языка русским должны были бы понимать, что это может сослужить плохую службу федеральной власти, судя по Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [19], заинтересованной в гармонизации межнациональных отношений в стране, в национальном мире и согласии. Если «главный вопрос этнополитики на современном этапе состоит в том, как соединить многообразие страны и этнокультурное развитие отдельных общностей и регионов с проектом гражданской нации и обеспечением гражданского единства» [9, с. 35], не следует под видом заботы о русском народе так остро реагировать на попытки других этносов сохранить свою этническую идентичность, не приводя ее в противоречие с российской гражданской идентичностью, сложившейся раньше, чем это понятие ввели в широкий обиход.

Говоря о двуязычии, следует отличать двуязычие (билингвизм) как явление *социолингвистическое массовое*, характеризующее языковую ситуацию в определенном регионе применительно к этносу или этносам, его населяющим, или просто ситуацию с языковой компетентностью какого-либо этноса, пользующегося в своем большинстве вторым языком. Именно к этому явлению, на наш взгляд, следовало бы, собственно, применять понятие «двуязычие». Введя речь о языковой компетенции отдельных людей, принадлежащих к определенным этносам и являющихся носителями определенных языков как родных, уместнее было бы употреблять термин «билингвизм». В социальной лингвистике и в лингвометодике эти понятия большинством авторов употребляются как равнозначные, как своего рода «терминологические дублиеты». В словаре О. С. Ахмановой: «Билингвизм. То же, что двуязычие». При этом в другом месте – развернутое определение двуязычия: «Двуязычие (билингвизм)... Одинаково совершенное владение двумя языками; владение двумя языками, применяемыми в разных условиях общения...» [1, с. 67, 125].

За прошедшие полвека в изучении явления, связанного с владением двумя и более языками, произошли, конечно, сдвиги. Т. В. Жеребило дает следующее определение в словарной статье «Билингвизм»: «Взаимодействие двух или трех языков в одном и том же языковом коллективе, языковом социуме. Различается билингвизм как социальное явление и билингвизм как факт речевой деятельности говорящего или пишущего. Социальный билингвизм – это языковые контакты в истории народов и их языков, это современное функционирование языков в одной стране» [7, с. 58]. Однако она же двуязычие считает «дублетом»: «Двуязычие. См. билингвизм» [Там же, с. 106]. Понятно, что резких различий между понятиями «билингвизм» и «двуязычие» не должно быть хотя бы потому, что оба слова состоят из взаимопереводимых компонентов, однако семантическое тождество их тоже сомнительно. До недавнего времени отечественные социолингвисты, рассматривая явление как социальное (вопросы функционирования языков, в первую очередь), пользовались термином «двуязычие», что касается второго термина, социолингвисты использовали слово «билингв(ы)» и значительно реже «билингвизм».

Между тем национально-русское двуязычие в Российской Федерации – социальное явление, порожденное и обусловленное ведущим местом, которое русский язык занимает (и занимал в СССР), еще более упроченным тем, что в современной России русский язык имеет к тому же закрепленный за ним Федеральным законом Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» статус государственного языка страны [16]. За прошедшие четверть века, несмотря на то, что в соответствии с Конституцией РФ и республиканскими конституциями статус республиканских государственных получили языки «титовых наций» соответствующих республик, национально-русское двуязычие развивалось только в сторону повышения

уровня владения русским языком, и если в отдельных республиках наблюдалась берущая свое начало в советском прошлом тенденция к ухудшению качества национально-русского двуязычия, то лишь в сторону снижения уровня владения родным языком. В целях достижения сбалансированного национально-русского двуязычия местная власть и общественность республик стали принимать какие-то меры, создавать и реализовывать программы сохранения и развития «местных» языков, и не только государственных, что почему-то стало вызывать раздражение не только упражняющихся в политологии и социологии, но даже лингвистов.

Нередко в сети Интернет появляются статьи и интервью на тему «Почему в национальных республиках России притесняют общегосударственный язык?». Примечательно, что в качестве комментария специалиста к одной из подобных публикаций приведены слова М. Н. Русецкой, ректора Института русского языка имени А. С. Пушкина: «Год назад мы оценивали, насколько хорошо говорят по-русски учителя русского языка и педагоги начальных классов в регионах Северного Кавказа и Тывы. Так вот, в отдельных регионах 5-6% учителей не прошли порогового уровня этого теста. Проблема в том, что во многих национальных республиках русский язык преподают не его носители» [26]. Если сам печальный факт наличия учителей, не прошедших пороговый уровень теста, оспаривать не приходится, то вызывает сомнение уместность замечания о том, что это обусловлено этнической принадлежностью тестируемых. Ведь речь идет о комментариях из уст ректора всемирно известного вуза, подготовившего сотни замечательных русистов, в том числе иностранцев, посвятивших жизнь пропаганде русской культуры и обучению русскому языку.

Проведенная Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина в мае-июне 2016 г. диагностика профессиональных компетенций учителей Северо-Кавказского федерального округа и Республики Тыва действительно привела организаторов данного мониторинга к неутешительным выводам о низком уровне предметных и методических знаний словесников [10]. Но, думается, что связывать плохое владение русским языком обучающихся с этнической принадлежностью учителя школы или преподавателя вуза по меньшей мере безосновательно. Без сомнения, истоки проблемы не в национальности педагога, а в недостаточно высоком уровне предметных знаний и владения методикой обучения русскому языку учителей общеобразовательных школ. Корень зла следует искать в недостатках системы педагогического и филологического образования, в малоэффективных механизмах совершенствования профессионального мастерства преподавателей. И это хорошо известно педагогическому сообществу нашей страны. Неслучайно на заседаниях 3-й Всероссийской научно-практической конференции «Подготовка учителя русского языка и литературы в системе вузовского образования: проблемы и перспективы» (РАО (Российская академия образования)) говорили о необходимости принятия системных мер по совершенствованию качества обучения русскому языку и в школе, и в вузе как со стороны Минобразования, так и со стороны профессионального сообщества [2].

Социальное национально-русское двуязычие в нашей стране стало нормой и, безусловно, со временем будет только расширяться. Вопрос в том, как оно отражается на языках народов России и так ли уж необходимо, чтобы, как хотелось бы рядящимся в одежды «государственников» шовинистам, эти народы отказались от своих языков, а следовательно – культур, отказались от всего, что связано с понятием этноса, нации, народа, народности.

Понятно, что убедительная победа малых этносов в борьбе с последствиями усилившейся международной интеграции и глобализации, наметивших процесс исчезновения языков, вряд ли возможна даже в масштабах одного языка или одной страны. Известная общемировая тенденция централизованных государств к распространению на своей территории единого для нее (и всех населяющих ее народов) государственного языка ведет к тому, что родным языком для народов полиэтничных государств фактически становится этот государственный язык, а знание родного языка становится все более поверхностным и превращается в своеобразный «маркер» этноса, легко стирающийся при таких обстоятельствах. Такая перспектива, возможно, ожидает и все народы России, от которых проводимая федеральным центром национально-языковая политика требует обязательного знания русского языка и обязательного его использования если не во всех, то в абсолютном большинстве сфер, связанных с делопроизводством и образованием, тогда как знание родного языка и владение им «поощряются», «поддерживаются», т.е. не запрещаются. Но вряд ли в этих условиях нужно заниматься тем, о чем время от времени напоминает обществу А. В. Кравченко, утрирующий угрозу для русского языка, исходящую от нерусских, пугая общество тем, что, *«если общество в ближайшее время не осознает настоящей необходимости вплотную заняться проблемами языковой экологии и выработкой соответствующей языковой политики на государственном уровне, может оказаться поздно: произойдет окончательный отказ от общечеловеческих ценностей, обострится регресс общественного сознания, прогрессирующий экономический упадок закончится сдачей политических позиций, страна перейдет де факто в группу слаборазвитых стран и встанет перед прямой угрозой дезинтеграции и поглощения другими этносами»* [13]. Против необходимости координированных усилий общества и государства по оздоровлению языковой среды возражать не приходится, если бы не упоминание о такой угрозе для русского народа, как поглощение его другими этносами.

Однако окончательно сформировавшееся и развивающееся в сторону дальнейшего усиления позиций русского языка «национально-русское двуязычие» отрицательными последствиями для русского языка не грозит и вряд ли будет грозить в будущем. Напротив, другие языки, в том числе те, которые имеют статус государственных в национальных республиках, уже приобрели или приобретают признаки миноритарности, а следовательно, защита нужна, прежде всего, им. Казалось бы, это хорошо должны понимать те, от кого зависит стратегия национальной и, в частности, национально-языковой политики в стране. Но, по-видимому, все еще

актуальным остается вывод о том, что «в Москве начинают побеждать силы, считающие, что языковая и культурная русификация национальных меньшинств позволит обеспечить гарантии стабильности и единства страны. Это не означает, что там нет политиков, понимающих, что подобный подход чреват одним из двух исходов. Или это приведет к обострению отношений между федеральным Центром и субъектами федерации, что как раз и ударит по стабильности и единству страны. Или же Москва добьется языковой русификации, но получит совершенно неожиданный результат. Вместо вновь приобретенного “русского” населения государство получит миллионы граждан, утративших свои языки и, как следствие, свои национальные культуры, но так и не ставших русскими. Ведь переход на русский язык не означает изменение менталитета, образа жизни, стереотипов поведения, духовных ценностей, в общем, культуры. И вот эта самая огромная масса, зависшая между утраченной родной и не перенятой русской культурой, и станет главной опасностью для России» [11].

Именно это имелось в виду нами в работах [3; 4], где шла речь об отрицательных последствиях культивируемого в нашей стране национально-русского двуязычия, которое, при всех известных положительных моментах, имеет и обратную сторону – ведет к миноритаризации остальных, кроме русского, языков. И это была только поддержка мнения других авторов, прямо заявляющих об этом и признающих, что русский язык вытесняет другие языки и из тех сфер, в которых они могли бы продолжать успешно функционировать [15, с. 55; 21, с. 526-527], что старт этому процессу был дан еще в 1938 году [14, с. 226-227], а сам процесс начал форсироваться с середины 1950-х годов после заседания Научной сессии Отделения общественных наук АН СССР (Москва, 23-26 июня 1956 г.), на котором ученые-языковеды однозначно отнесли языки народов автономий ко второй группе – группе языков «бесперспективных», единственная перспектива которых – сворачивание функций и отмирание.

Следует отметить, что языковая ситуация в республиках Северного Кавказа несколько иная, чем двадцать и более лет назад, а следовательно, в изменившихся условиях необходимы иные подходы и принципы в выработке и реализации языковой политики и конкретных программ в области языковой жизни, рассчитанных и на ближайшую перспективу, и на более отдаленное будущее.

К сожалению, в оценку сложившейся языковой ситуации и в отдельных республиках, и стране в целом нередко включаются коллеги, сфера научных интересов которых или не включает изучение языковых процессов, или имеет к ним косвенное отношение. Так, И. Г. Косиков и А. Д. Осмаев, начав с того, что «многие общественные и государственные деятели ЧР, эксперты-лингвисты считают, что широкое распространение русского языка в автономной республике имело больше положительных последствий, а чеченско-русское двуязычие стало мощным фактором, который позволил за короткий период времени поднять образовательный уровень населения, реализовать возможности представителей чеченского этноса в науке, искусстве, подготовить национальные кадры инженерно-технических и медицинских работников», и изложив, таким образом, мнение тех немногих специалистов в ЧР, кого можно считать «экспертами-лингвистами» – профессиональными языковедами, почему-то добавляют: «Есть, однако, и немало национально ориентированных специалистов, которые видят в таком положении вещей только негатив. Они выступают за существенное расширение использования чеченского языка как государственного языка ЧР, за обязательное изучение его в школе, за использование в сфере дело- и судопроизводства и т.п.» [12, с. 278]. В «национальной ориентированности» специалистов вряд ли можно усматривать что-то плохое, тем более что фактически речь идет об одних и тех же людях, считающих, что при всех, несомненно, положительных последствиях национально-русского двуязычия для сохранения и выживания «местных» языков следует расширять их функции.

Разрабатывая и реализуя программы, создающие условия для полноценного функционирования русского языка в северокавказском регионе, мы должны осознавать важность сохранения и создания условий для дальнейшего развития всех языков, на которых говорят народы Северного Кавказа. Сохраняя свое отношение к русскому языку как государственному языку Российской Федерации, языку межнационального общения, важнейшему средству, с помощью которого все население Российской Федерации имеет доступ к полноценному образованию, ко всем источникам информации, мы не должны забывать, что «язык в этнических границах его носителей – это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура и опыт познавательной деятельности, его мировоззрение и психология, закреплявшийся из поколения в поколение багаж знаний о природе и космосе, о болезнях и способах их лечения, о воспитании и подготовке к жизни новых поколений людей в интересах сохранения и умножения этноса и его самобытности. Тем самым язык представляет собой форму культуры, воплощающую в себе исторически складывавшийся национальный тип жизни во всем ее разнообразии и диалектической противоречивости» [20, с. 623-624]. Сохранение любого языка, сколько бы людей на нем ни говорило, необходимо, поскольку «все языки являются выражением коллективной идентичности и индивидуального способа восприятия и описания действительности и должны поэтому иметь все условия для развития всех своих функций. <...> Все языковые сообщества имеют право организовывать и управлять своими собственными ресурсами, чтобы обеспечить использование языка во всех функциях внутри сообщества. <...> Все языковые сообщества обладают правом иметь в своем распоряжении все необходимые средства для обеспечения передачи и сохранения своего языка» (статьи 7, 8) [5]. В ситуации, когда «язык большого народа стремится расширять сферу своего влияния», «язык малого народа ставит перед собой целью главным образом самосохранение» [6, с. 29]. Обеспечить данное самосохранение можно путем разработки и реализации специальных программ, имеющих своей целью определение путей и способов решения этой важнейшей для дальнейшего существования кавказских народов проблемы, основанных на осмыслении прошлого и настоящего языковой и в целом культурной жизни кавказцев.

Собственно билингвизм в Чеченской Республике – владение двумя языками, из которых один – неродной (общегосударственный язык страны, гражданином которой является билингв), – явление, обычно сопровождающееся интерференцией, требует специального рассмотрения. В этом плане билингвизм и интерференция стали предметом исследования в ряде публикаций А. И. Халидова [22–24], Т. В. Жеребило [8], М. Р. Овхадова [17] и других авторов. Ограничиваясь ссылкой на выявленные факты интерференции и типичные интерферентные ошибки в русской речи чеченцев, в завершение обратим внимание на вопросы, не привлекавшие до сих пор ни исследователей чеченско-русского двуязычия, ни исследователей, работавших с материалом других языков РФ. Речь идет о поиске ответов на следующие вопросы. Интерференция – явление объективное и неизбежное или она преодолима? Необходимо ли преодоление интерференции или билингвы могут оставаться полноценными гражданами страны с этим «дефектом» своей русской речи, иначе говоря – совместима ли интерференция с уровнем профессиональной достаточности владения русским языком? Является ли интерференция в русской речи нерусских граждан Российской Федерации какой-либо помехой для, с одной стороны, дальнейшего развития национально-русского двуязычия, с другой – сохранения и развития русского языка? Этим вопросам авторы надеются посвятить следующую статью.

Список источников

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. **Буралова Р. А.** К проблеме формирования профессиональных компетенций учителя словесности в условиях национально-русского билингвизма // Подготовка учителя русского языка и литературы в системе вузовского образования: проблемы и перспективы: сборник научных статей по итогам III всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 16 мая 2017 г.) / под ред. Т. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой. М.: Центр русского языка и славистики, 2017. С. 71–74.
3. **Буралова Р. А., Халидов А. И.** Социолингвистическая и эколингвистическая ситуации в Чеченской Республике и Республике Ингушетия в контексте функционирования языков в образовательной сфере [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22800> (дата обращения: 14.11.2017).
4. **Буралова Р. А., Халидов А. И.** Тенденции чеченско-русского двуязычия и эколингвистическая ситуация в Чеченской Республике [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21854> (дата обращения: 14.11.2017).
5. **Всемирная декларация лингвистических прав** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pennsylvania.org/ling-co.htm> (дата обращения: 20.11.2017).
6. **Данеш Фр., Чмейркова С.** Язык – культура – этнос. М.: Наука, 1994. 242 с.
7. **Жеребило Т. В.** Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд-е 6-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
8. **Жеребило Т. В.** Функционирование регионального варианта русского языка в Чеченской Республике. Назрань: Кеп, 2016. 279 с.
9. **Зорин В. Ю., Аствацатурова М. А.** Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: традиционные методы и инновационные подходы реализации на современном этапе // Вестник российской нации. 2015. № 1. С. 17–37.
10. **Институт Пушкина проводит диагностику компетенций по русскому языку школьных учителей** [Электронный ресурс]. URL: <https://pushkininstitute.ru/news/989> (дата обращения: 27.11.2017).
11. **Когда появятся осетинские школы. Отрывки из интервью Т. Т. Камболова сайту WWW.OSRADIO.RU (май 2008 г.)** [Электронный ресурс]. URL: <http://ironau.ru/kambolov-osradio.html> (дата обращения: 20.11.2017).
12. **Косиков И. Г., Осмаев А. Д.** Чеченская Республика // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и взаимоотношения с федеральным центром / сост. И. Г. Косиков. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 263–284.
13. **Кравченко А. В.** Экология языка и языковая политика [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/1152779/Экология_языка_и_языковая_политика (дата обращения: 20.11.2017).
14. **Местникова А. Е.** Языки коренных малочисленных народов Севера в зеркале переписей населения // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 5 (84). С. 226–230.
15. **Мусаев М.-С. М.** Современные социолингвистические проблемы в северокавказском полиэтническом регионе // Актуальные проблемы синхронного, диахронного и контактного изучения языков Дагестана на пороге третьего тысячелетия: материалы региональной научной конференции, посвященной 70-летию ДГУ. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2001. С. 49–56.
16. **О языках народов Российской Федерации** [Электронный ресурс]: Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 (с изменениями и дополнениями). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10148970/paragraph/9806:0> (дата обращения: 27.11.2017).
17. **Овхадов М. Р., Шамилева Р. Д., Яхьяева А. А.** Языковая ситуация в Чеченской Республике. Назрань: КЕП, 2015. 176 с.
18. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 698 с.
19. **Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года** [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: <http://base.garant.ru/70284810/#ixzz4zdqJ3s5c> (дата обращения: 27.11.2017).
20. **Тарланов З. К.** Язык как универсальное средство этнического самовыражения и форма этнической культуры // Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. С. 621–627.
21. **Тишков В. В.** Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 532 с.
22. **Халидов А. И.** Интерференция в русской речи учащихся-чеченцев // Вестник Института проблем образования Министерства общего и профессионального образования Чеченской Республики. 2006. № 4. С. 66–80.
23. **Халидов А. И.** «Интерференция» как термин лингводидактики // Фундаментальные и прикладные науки сегодня: материалы XII международной научно-практической конференции / Научно-издательский центр «Академический». North Charleston: CreateSpace, 2017. С. 107–117.
24. **Халидов А. И.** Русский язык в чеченской школе: пособие для учителя / Министерство образования и науки Чеченской Республики; Институт проблем образования. Грозный: Абат, 2009. 191 с.

25. Халидов А. И. Угрозы для русского языка – мнимые и явные // Экология: образование, наука и этнотуризм: материалы международной научно-практической конференции: в 2-х т. Владикавказ: СОИГСИ, 2016. Т. I. С. 63-69.
26. «Я русский бы выучил – да не дают»: почему в национальных республиках России притесняют общегосударственный язык? [Электронный ресурс]. URL: <http://penza.monavista.ru/news/91927/> (дата обращения: 20.11.2017).
27. Khalidov A. I. Ecolinguistic Problems of the North Caucasus in the Context of Language Policy // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Vol. 10. Issue 1. P. 25-39.

ON THE QUESTION OF “BALANCED” NATIONAL-RUSSIAN BIGLOTTISM AND BILINGUALISM

Buralova Raisa Amkhadovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Khalidov Aisa Idrisovich, Doctor in Philology, Professor
 Chechen State Pedagogical University, Grozny
 rburalova@mail.ru; halidov_aisa@mail.ru

The article deals with the problem of balanced national-Russian biglottism. In particular, the authors observe that balanced biglottism is impossible, if biglottism is meant as a social phenomenon and equal distribution of functions is understood under the “balance”. One of the languages, especially if it is a national language, will always dominate even in the context of the implementation of a democratic language policy in the state. It is proposed to distinguish between the notions “biglottism” and “bilingualism”, using the former as the term of social linguistics and the latter as the term of contrastive linguistics and linguodidactics.

Key words and phrases: biglottism and bilingualism; national-Russian biglottism; language policy; interference; preservation and development of language.

УДК 81'23:81'367

В рамках нашей публикации мы фокусируем исследовательское внимание на субституции как частотном средстве грамматической связности драматического текста. В сферу нашего внимания попадает прежде всего проблема типов субституции, которые наблюдаются в диалогах драматических текстов, их роли в обеспечении связности подобных текстов. В качестве фактического материала исследования избирается драма Б. Шоу «Пигмалион», диалоги персонажей в которой, согласно нашим наблюдениям, характеризуются семантической прозрачностью и синтаксической несложностью, а поэтому исследователь (как и читатель) имеет возможность без особого труда выявлять модели субституции и их текстообразующие функции.

Ключевые слова и фразы: драматический текст; диалог персонажей; когезия; грамматические средства связности; субституция.

Володина Марина Сергеевна, к. филол. н.
 Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону
 lavender1984@rambler.ru

СУБСТИТУЦИЯ КАК СРЕДСТВО СВЯЗНОСТИ В ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В современной лингвистике наблюдается смещение фокуса внимания со структурного анализа предложения и его типов к прагматическому исследованию единиц, которые превосходят по своему объему предложение, – текста и дискурса [2, с. 73]. В настоящий момент текст и дискурс дифференцируются преимущественно с функциональной точки зрения: текст трактуется как понятие, соотносимое с языковой компетенцией говорящего субъекта, вербальная фиксация коммуникативного акта; дискурс – как отражение индивидуального функционирования языка, реализация того или иного коммуникативного акта в определенном контексте общения.

В разнообразных языковедческих концепциях текст характеризуется такими параметрами, как:

- интенциональность (реализация авторского намерения);
- открытость для интерпретации (релевантность для адресата);
- информативность (адекватный объем новой информации для адресата);
- ситуативность (локализация в дискретном социокультурном контексте с учетом факторов времени и пространства);
- интертекстуальность (взаимосвязь с другими текстами);
- связность;
- целостность [1; 3].

С опорой на данные параметры текст можно определить как коммуникативное событие, предполагающее активацию фоновых знаний адресата, поверхностные элементы которого взаимозависимы, поскольку подчиняются грамматическим правилам и конвенциям. Компоненты текстуального мира, т.е. конфигурация концептов и отношений, выявляет взаимообусловленность и доступность для интерпретации.

Грамматика текста, в свою очередь, сосредотачивается на системе правил, которые – по аналогии со спецификой формирования предложения – задействуются в целях порождения дискурса [4, с. 285]. Данные